

Чу Ван не скрывал изумления:

— Ты действительно решил ухватиться за ноги Будды в последний момент?

Глядя на то, с каким пренебрежением Чэн Янь обычно относился к занятиям, юноша, как и все остальные, полагал, что тот вовсе не собирается участвовать в Юэши.

Чэн Янь невозмутимо кивнул и тут же уточнил:

— А что именно обычно спрашивают на этом экзамене?

Чу Ван лишился дара речи.

«Это не просто попытка подготовиться в последний миг, это уже за гранью разумного!»

— Как продвигаются твои упражнения в каллиграфии? — не удержался от вопроса он.

Собеседник на мгновение задумался.

— Ну, по крайней мере, мой почерк теперь можно разобрать без особого труда.

«Возможно, всё обстоит гораздо лучше, — подумал Чу Ван, — но раз Чэн Янь решил так шутить, не буду его переубеждать»

Видя редкое и похвальное стремление друга к знаниям, он снова достал свои книги и принялся объяснять:

— Юэши состоит из трёх частей: Тецзин, Шифу и Цэвэнь. Тецзин — это проверка памяти: экзаменатор выбирает случайную строку из канонических текстов, которые мы изучали в последнее время, а ученик должен по памяти продолжить отрывок до конца. Шифу и Цэвэнь пишутся на месте по заданным темам. В стихах и одах обычно требуется описать пейзаж или выразить чувства, а в Цэвэнь — составить рассуждение на актуальные политические темы.

Кратко изложив суть, юноша вытащил несколько свитков.

— Шифу и политические эссе требуют долгого накопления знаний и вдохновения, так что сейчас мы мало что можем сделать. Если ты хочешь хоть как-то закрыть пробелы, лучше сосредоточиться на первой дисциплине. Постарайся зазубрить как можно больше текстов для Тецзина.

Чэн Янь подтащил из угла второй стул и сел рядом с Чу Ваном.

Стол был узким, и когда они склонились над книгами, их плечи соприкоснулись. Чу Ван почувствовал невольное смущение: каждый раз, когда он переворачивал страницу, его локоть неизбежно задевал руку соседа. Тот подался вперед, разглядывая записи, и то и дело восхищённо восклицал:

— Чу Ван! У тебя потрясающий почерк, а пометки сделаны просто идеально!

От этой похвалы юноша смутился ещё сильнее. Он начал перелистывать страницы быстрее, проносясь по текстам первого раздела. Миновав три-четыре десятка листов за считанные мгновения, он пододвинул книгу Чэн Яню.

— Учителя больше всего любят брать задания для Тецзина именно из этого раздела. Постарайся выучить сегодня столько, сколько сможешь.

Чэн Янь хлопнул глазами.

— Я всё.

Чу Ван замер, недоверчиво переспросив:

— Что значит «всё»?

Под его пристальным взглядом Чэн Янь с совершенно серьёзным видом кивнул:

— В самом прямом смысле. Пока ты листал, я всё прочитал и запомнил.

Юноша нахмурился, и в его голосе прозвучала строгость:

— Сейчас не время для шуток. Тецзин — это не простое припоминание общего смысла. Экзаменаторы обожают вырывать фразы из середины текста, и без дословного знания канона ты провалишься.

Чэн Янь вернул ему книгу.

— Проверь меня.

Спустя четверть часа Чу Ван отложил книгу в сторону. Он смотрел на собеседника с выражением глубочайшего подозрения и растерянности.

— Когда ты говорил, — медленно произнёс он, — что в детстве намеренно притворялся бездарем, чтобы отец не отправил тебя в академию... ты ведь не лгал?

Лицо Чэн Яня приняло самое искреннее и даже немного обиженное выражение:

— Конечно, я говорил правду! А ты мне не верил.

«Любой нормальный человек ни за что бы в это не поверил!» — подумал Чу Ван.

Только что он задал Чэн Яню несколько вопросов — от самых простых до невероятно каверзных, — и тот без малейшей запинки цитировал каноны, не ошибаясь ни в одном иероглифе. Даже сам юноша не всегда мог похвастаться такой феноменальной точностью.

Он указал на стопку других книг:

— А тексты отсюда?

— Стоило мне один раз открыть книгу на уроке, как всё её содержание отпечаталось в памяти, — небрежно бросил Чэн Янь.

Чу Ван не стал продолжать проверку. В глубине души он уже почти поверил, и это открытие наполнило его смешанными чувствами.

— Раз ты наделён таким талантом, почему же ты так упорно отказывался учиться? — тихо спросил он.

Чэн Янь лениво крутил кисть между пальцами, всем своим видом выражая безмятежность.

— У каждого свои стремления, — отозвался он. — Мой предел мечтаний — стать сказочно богатым бездельником!

Чу Ван лишь безмолвно покачал головой. Он собирался провести вечер за повторением пройденного, ведь Тецзин охватывал огромный объём материала. Узнав, что Чэн Янь обладает таким даром, но совершенно его не ценит, юноша почувствовал странную горечь.

Тем временем Чэн Янь продолжил:

— Однако в двух других дисциплинах я не так силён. Поэтому я и хотел взглянуть на твои оды и эссе, чтобы поучиться стилю.

Понимая, что другу действительно не нужно зубрить каноны, Чу Ван подошёл к шкафу и

достал оттуда внушительную стопку бумаг. Почти тысяча листов составляла весьма солидную гору, особенно учитывая, что бумага в те времена была плотной и тяжёлой.

Помогая перенести всё это на стол, Чэн Янь услышал тихий голос Чу Вана:

— Это то, что я написал за последние полгода. Можешь начинать сверху. Работы, написанные три месяца назад и более, довольно слабые, их можешь пропустить.

Чэн Янь рассмеялся.

— Ну уж нет! Я изучу всё до последнего слова и сохраню для потомков. В будущем это будут подлинные рукописи великого учёного.

Чу Ван, не привыкший к столь прямолинейным комплиентам, поспешно сменил тему:

— Изучай здесь, а я пересяду за другой стол.

Чэн Янь тут же ухватил его за руку, не давая уйти.

— Не уходи, — взмолился он протяжно. — Только когда ты рядом, у меня есть силы учиться.

Он тянул юношу за рукав нижнего платья, и когда ткань задралась, обнажилось тонкое белое запястье. Чу Ван почувствовал, как к лицу приливает жар. Он попытался придать взгляду строгости.

— Тогда занимайся делом! — бросил он, стараясь звучать сурово.

Пока он пытался высвободить рукав, Чэн Янь, не сдержав смешка, мягко обхватил его за плечи и усадил обратно на стул.

— Хорошо-хорошо, будем готовиться вместе.

Чу Ван сжал в руках книгу, намереваясь повторить несколько сложных отрывков, но его взгляд то и дело соскальзывал на соседа. Тот действительно погрузился в чтение. В тёплом свете свечи его черты казались ещё более мужественными, а в глазах, казалось, отражалась вся глубина неба.

Внезапно Чэн Янь обернулся. В его глазах плясали искры смеха.

— Любишься?

Чу Ван вздрогнул, мгновенно уткнувшись в книгу. Его длинные волосы, не стянутые заколкой, рассыпались по плечам. Чэн Янь протянул руку и осторожно заправил мешающую прядь ему за ухо.

— Ты... что ты делаешь! — запинаясь, выдохнул юноша.

— Помогаю тебе, — улыбнулся Чэн Янь. — Волосы мешают читать.

Чу Ван нервно отстранился, перекидывая волосы за спину, и вдруг спросил:

— Ты ведь раньше совсем не заботился об этом экзамене. Почему вдруг такая решимость?

Чэн Янь рассказал ему о споре с Чэн Цзинем. Слушая рассказ, его собеседник хмурился всё сильнее. Когда Чэн Янь закончил, он хотел было что-то сказать, но тот внезапно прижал два пальца к его переносице.

— М-м?..

— Не хмурься так часто, — мягко сказал Чэн Янь. — Улыбайся, тебе это больше идёт.

Чу Ван медленно расслабился и, отведя его руку, пробормотал:

— А как мне не хмуриться? Ты вечно ввязываешься в какие-то авантюры! Заключение пари, даже не зная программы экзамена...

— Это потому, что я гений! — самодовольно заявил Чэн Янь.

Его пальцы, которые юноша всё ещё сжимал, внезапно переплелись с пальцами Чу Вана. Чэн Янь принялся лениво поглаживать его ладонь. Его рука была горячеей, а пальцы Чу Вана — прохладными, как нефрит.

Тот не стал отнимать руку, но не удержался от замечания:

— Чэн Цзинь раньше всегда входил в тройку лучших. Пятьсот лянов... для тебя это, может, и пустяк, но всё же сумма немалая.

Он опасался, что Чэн Яню не понравятся такие слова. Для Чу Вана это было недостижимым состоянием, а Чэн Янь ставил их на кон в споре, словно это была безделица. Пропасть между ними в этот момент показалась ему пугающе огромной.

Чэн Янь сразу догадался, о чём думает его спутник. В прошлой жизни тот был маленьким

цзюньваном, а в этой — бедным студентом. Бедность породила глубокую неуверенность в себе.

Чэн Янь крепко сжал его ладонь.

— Для меня это тоже большие деньги! — громко заявил он. — Это мои кровные, отложенные на свадьбу. Я ни за что не проиграю их!

— На какую свадьбу? — Чу Ван непонимающе уставился на него.

— Я хотел сказать, — мгновенно поправился Чэн Янь, — что это деньги на твоё обручение!

Уши Чу Вана стали пунцовыми. Он долго хватал ртом воздух, прежде чем выдавить:

— Перестань... нести чепуху!

— Ну, если хочешь, назовём это приданым, — не унимался Чэн Янь.

Чу Ван поспешно отвёл взгляд, уставившись в книгу.

— Занимайся лучше! Если завтра провалишься, прощай пятьсот лянов!

Чэн Янь перестал паясничать и серьёзно спросил:

— Как думаешь, каковы мои шансы на победу?

Юноша задумался.

— Чэн Цзинь раньше был силён, но в последнее время совсем забросил учёбу. Вряд ли он покажет блестящий результат.

— А я? А как же я? — с надеждой допытывался Чэн Янь.

— Ты... если в Тецзине наберёшь максимум баллов, это может компенсировать оды и эссе. Наверное... ты не будешь в самом хвосте списка.

— Почему ты в меня так не веришь? — притворно возмутился Чэн Янь. — У меня есть все шансы войти в тройку лучших!

Чу Ван счёл это несбыточными мечтами.

— Учитывая условия вашего пари, — рассудительно заметил он, — вероятнее всего, вы оба не попадёте в тройку, и спор будет аннулирован.

Чэн Янь рассмеялся.

— Завтра ты сам увидишь, как я заберу эти деньги!

Чу Ван лишь вздохнул. Память поможет в Тецзине, но Шифу и Цэвэнь требуют опыта. Как он сможет написать что-то достойное завтра, не имея никакой практики?

На следующее утро, ещё до рассвета, в жилом секторе поднялся невообразимый шум. Чу Ван встал и обнаружил, что кровать Чэн Яня пуста. Удивлённый, он накинул верхнюю одежду и распахнул дверь. Навстречу ему как раз шёл Чэн Янь.

— Почему ты не разбудил меня? — тихо спросил юноша.

Чэн Янь проскользнул в комнату:

— Ты так сладко спал, я не хотел тебя тревожить. — Он показал свёрток. — Принёс из кухни маньгоу и булочки с мясом. Позавтракаешь, и пойдём.

Чу Ван замер, вспомнив о своём беспокойстве:

— Почему ты всё время ходишь на кухню? Это место...

— Тебе претит? — Чэн Янь понюхал свои рукава. — По-моему, ничем таким не пахнет. Моя семья владеет ресторанами, в детстве я постоянно торчал на кухне.

Пока Чу Ван завтракал, Чэн Янь пытался помочь ему собрать волосы. Было заметно, что обычно этим занимаются слуги — даже собственная заколка у него сидела криво. Несмотря на некоторую неуклюжесть, он действовал очень осторожно.

— Давай я сам, — не выдержал юноша, — я справлюсь быстрее.

— Ни в коем случае, — отрезал Чэн Янь. — Существует поверье: если муж расчёсывает волосы жене в брачную ночь, они проживут в любви до самой седой старости.

Чу Ван поперхнулся куском булочки.

— Кто... кто здесь твоя жена?!

Чэн Янь невинно хлопнул глазами:

— Ну, свечи в этой комнате горели почти до самого рассвета, разве нет?

Чу Ван только безмолвно открывал и закрывал рот.

На площади перед главным залом уже собралась толпа. Для лучших учеников Юэши был решающим испытанием. Появление Чэн Яня и его спутника вызвало волну перешёпотов.

— Чэн Чанцин пришёл на экзамен?

— С его-то знаниями его вышвырнут прямиком в Класс Дин!

Чу Ван впервые осознал, под каким градом презрения жил его друг. Теперь, слыша эти замечания, он чувствовал негодование.

— Неужели тебе не обидно? — тихо спросил он.

Чэн Янь лишь усмехнулся.

— Только представь, какой эффект произведёт мой успех на этом фоне.

Мэн Чэньхуэй смотрел на Чу Вана, и в его глазах читался первобытный ужас. Он вцепился в руку Чэн Цзиня.

— Посмотри... кто это там?

— Чэн Янь, кто же ещё, — раздражённо ответил тот.

— Да не он! — огрызнулся Мэн Чэньхуэй. — Тот, кто рядом с ним! Ты уверен? Это точно он? Посмотри... у него есть тень?

Чэн Цзинь вытаращил глаза и высвободил руку.

— Чэньхуэй-сюн, сейчас белый день, к чему эти страшилки?

Мэн Чэньхуэй бросился сквозь толпу, желая убедиться. Чу Ван был живым человеком.

— Как... как это возможно... я же своими руками... — бормотал он.

В этот момент Чэн Янь и Чу Ван обернулись на шум. Тот смотрел на Мэн Чэньхуэя так, словно видел перед собой совершенно незнакомого человека. Чэн Янь что-то прошептал ему на ухо, и юноша шутливо толкнул его в плечо. На лице Чу Вана промелькнула улыбка.

Мэн Чэньхуэй смотрел на них, не веря своим глазам. Его захлёстывала волна бешеной ревности.

— Эй, Чэньхуэй-сюн, ты куда! — Чэн Цзинь схватил его за руку. — У тебя глаза кровью налились!

Мэн Чэньхуэй глубоко вздохнул.

— Ничего.

Несколько учеников рядом негромко переговаривались. Услышав имя «Чу Цзыгуань», он прислушался. Кто-то упоминал слова «упал в воду» и «спасение». Мэн Чэньхуэй хотел подойти ближе, но не решился, чувствуя нарастающую тревогу.

Чэн Цзинь зашептал ему на ухо:

— Чэньхуэй-сюн! Ты слышал? Вчера Цзыгуань упал в пруд, и Чэн Янь вытащил его! Теперь понятно, почему они так сдружились.

Мэн Чэньхуэй замер:

— Упал в воду?.. Как это случилось?

— Кто знает? Говорят, оступился.

Учитель Даоцин поднялся на ступени в сопровождении других наставников.

— Начинаем Юэши, — объявил он. — Всем построиться.

Рядом с ним стояли директор академии и двое незнакомцев в официальных одеждах. Ходили

слухи, что на этот раз экзамен посетят высокие чины из округа Цанбэй.

— Чэн Янь! — выкликнул Даоцин.

— Постарайся не опозориться, — прошептал учитель, когда тот проходил мимо.

— Не волнуйтесь! — бодро отозвался юноша. — Я выложусь на все сто!

Директор академии стоял рядом с высокопоставленным гостем, Цзяоюй Линем. Этот почтенный старец был известен строгостью нрава. Он внезапно указал на вошедшего:

— Этот ученик — любимец того учителя, что только что с ним шептался?

— Что вы! — поспешно затараторил директор. — Этот юноша весьма... специфичен. Учитель Даоцин просто давал ему последние наставления.

Цзяоюй Линь погладил бородку:

— Что ж, похвально. Даже нерадивых учеников не стоит лишать заботы.

Первая часть — Тецзин. В голове Чэн Яня была целая база данных, но сама атмосфера заставила сердце биться чуть быстрее.

Чэн Цзинь занервничал с первого же вопроса. Цзяоюй Линь повторил задание трижды, но тот даже не мог понять, о чём идёт речь. Когда время Тецзина истекло, он смотрел на свои почти пустые листы с чувством катастрофы.

В коротком перерыве господин Линь заметил Чэн Яня. Тот спокойно пил воду, лениво покручивая кисть. Старик Линь вдруг невольно улыбнулся: в этом парне была живая энергия.

Вторая часть — Шифу и Цэвэнь. К величайшему изумлению наставников, Чэн Янь писал не покладая рук.

— Как у него обычно обстоят дела с сочинениями? — тихо спросил директор Даоцина.

— Чушь несусветная, — честно признался учитель.

Директор едва не задохнулся.

— Нужно что-то придумать! Давай попробуем задержать его работу, чтобы она не попала к господину Линю.

Пока наставники мучились сомнениями, тишину зала нарушил голос:

— Господин экзаменатор!

Чэн Янь высоко поднял руку. Цзяоюй Линь направился к его столу.

— Чэн Янь, в чём дело?

— Господин Линь, в правилах сказано, что если ученик завершил работу раньше срока, он имеет право сдать её и покинуть зал.

Старик приподнял бровь:

— О, неужели ты уже закончил?

— Я всё написал, — кивнул Чэн Янь.

По залу пронёсся вздох изумления. Линь строго прикрикнул:

— Тишина! — затем повернулся к юноше: — Сдать работу? Ты уверен? После этого ты не сможешь внести ни одной правки.

Чэн Янь сложил листы.

— Я уверен.

— Хорошо. Ты свободен.

Когда Чэн Янь встал, Цзяоюй Линь обратился к помощнику:

— Соберите его листы, подшейте и положите ко мне на стол.

Директор и Даоцин обменялись полными отчаяния взглядами. Теперь никто не смог бы изъять работу Чэн Яня. Что же будет, когда господин Линь прочтёт эту «чушь несусветную»?

<http://bllate.org/book/15870/1443143>